

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Н.Г. Брагина

РЕЧЕВЫЕ ОПЛОШНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Исследуются речевые оплошности – ошибки, которые говорящий или пишущий допускает случайно и / или вследствие недостаточного владения нормами языка. Определена специфика функционирования речевых оплошностей в интернет-коммуникации: оплошности допускает «естественный пользователь»; они могут тиражироваться другими пользователями, служить стилистическим приемом, становиться интернет-мемами. Исследование проводилось на материале собранных автором примеров и опубликованных на медиасайтах образцов оплошностей.

Ключевые слова: речевые оплошности; «естественный пользователь»; метатекстовые реакции; интернет-коммуникация; интернет-мемы; лексикализация; черномырдинки.

1. Из истории исследования речевых ошибок.

Исследования *речевых ошибок* на материале русского языка имеют достаточно длительную историю, начало которой было положено описанием детской речи. А.Н. Гвоздев с февраля 1923 г. стал вести дневник, в котором по дням отслеживал формирование речи у своего сына [1].

Во второй половине XX в. тема речевых ошибок начинает все больше привлекать внимание русистов. Можно выделить два основных направления: описание особенностей детской речи, одной из целей которого было предотвращение ошибок у школьников [2–4], и изучение функционирования стилистических норм и общей культуры речи, что впоследствии позволило предложить обобщенную классификацию речевых ошибок и *недочетов* [5].

Благодаря этим работам речевые ошибки имеют достаточно полное описание и развернутую классификацию, соотношенную с языковыми уровнями (фонетическим, лексическим, морфологическим и т.д.). Отдельным классом выделены также *неязыковые ошибки*, которые относятся к устной или письменной формам речи: орфографические, пунктуационные, графические и др. [4]. Как особый тип охарактеризованы *речевые недочеты*, связанные преимущественно с нарушением правил стилистики [6]. Была предложена классификация ошибок, имеющая отношение к нарушению трех типов норм: структурно-языковых, коммуникативно-прагматических и этико-речевых [7].

В русле общей теории лингвистики интерес к описанию речевых ошибок сформировался в 20-х гг. XX в. В 1929 г. вышла работа А. Фрея «Грамматика ошибок» [8], в которой на материале французского языка была предпринята попытка классификации типов ошибок и были объяснены причины их возникновения. Источником для анализа стали письма попавших в плен французских военнослужащих. А. Фрей полагал, что комплексное описание системно повторяющихся ошибок позволяет отслеживать процессы постепенного изменения языковой системы. Эта мысль оказалась созвучной идеям Л.В. Щербы, который считал анализ отрицательного материала важным элементом лингвистических исследований [9].

С появлением корпусов тема грамматики ошибок и использование отрицательного материала в лингви-

стических описаниях получила дальнейшее развитие. Встал вопрос о создании Корпуса ошибок, или Корпуса нестандартных говорящих [10, 11]. Такой Корпус позволяет исследовать разные формы отклонения от норм языкового употребления, а также описывать грамматику русского языка с привлечением отрицательного материала, возникшего в естественных условиях порождения речи.

Анализ речевых ошибок, используемый применительно к разным лингвистическим областям, сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Во многом это обусловлено потребностями социума в определении норм и правил коммуникации. Это имеет отношение и к предметной области, в которой коммуникация осуществляется. Так, в теории перевода анализ и классификация переводческих ошибок на конкретном языковом материале побудил исследователей к обсуждению новой дисциплины – *эпратологии* [12].

Для психолингвистов речевые ошибки – это инструмент исследований [13]. Глубокий анализ причин *речевых отклонений (сбоев)* был дан в рамках антропоцентрической парадигмы [14].

В работе [15] к анализу *речевых неудач* применялся как функциональный, так и когнитивный подходы. Последний связан с исследованием механизмов порождения высказываний, а также с классификацией трудностей, которые возникают при выполнении речемыслительных действий.

Таким образом, можно отметить, что научное описание и классификация речевых ошибок является целью исследования для лингвистов разных направлений, причем в последние годы интерес к этой проблематике усиливается настолько, что идея о формировании новой дисциплины, связанной с комплексным анализом речевых ошибок, не кажется утопичной. Наблюдается также некоторое терминологическое разнообразие: при описании сходных явлений авторы используют термины *речевые ошибки*, *речевые отклонения (сбои)*, *речевые неудачи*.

В настоящей работе предложен еще один ракурс рассмотрения речевых ошибок, или *речевых оплошностей*, – социокультурный. Это означает, что будут определены роль и функции речевых оплошностей в современной коммуникации, и прежде всего в интернет-коммуникации. Также будут рассмотрены реак-

ции носителей языка на появление речевых оплошностей в текстах разных жанров.

Такая постановка вопроса обусловлена тем, что в 1990-е гг. в обществе изменилось отношение к речевым оплошностям: их «перестали стесняться» [16]. Они стали частотным явлением в пространстве публичных текстов. Одновременно в социуме возник всплеск интереса к ним. С 1990-х гг. начали обсуждаться оплошности публичных людей – журналистов, политиков, переводчиков, представителей рекламного бизнеса, т.е. тех, чьи тексты влияли на формирование массового языкового сознания. Издавались работы, в которых были собраны и прокомментированы такие оплошности, например, летописи нарушений языковой нормы [17].

В начале 2000-х гг. происходит развитие интернета, появляются форумы, социальные сети. Публичное пространство активно формируется за счет «обычных пользователей интернета». Оплошности, допускаемые как в интернете, так и вне его, порождают метатекстовые реакции у пользователей социальных сетей. Они становятся объектом возмущения, насмешки, языковой игры и могут рассматриваться как разновидность провокативного текста. В интернете и вне его становится популярным разговор о грамотности / безграмотности. Это не остается без внимания лингвистов. Например, были проанализированы «народные» представления о грамотной и безграмотной речи [18].

По сравнению с эпохой до интернета, интернет-коммуникация значительно расширяет условия существования, функционирования и воспроизводства речевых оплошностей, а также способствует появлению устойчивых форм реагирования на них.

В интернет-коммуникации формируется особый «малый жанр» – разговор о русском языке, который затрагивает такие темы: богатство русского языка, его возможности; любовь к русскому языку, его особенности; невозможность для иностранцев полностью понять особенности русского языка во всем его свое- и многообразии; порча и обеднение русского языка; общее падение грамотности; смешные, курьезные ошибки в русском языке и т.д.

Этот жанр оказывается возможным и уместным в разных коммуникативных ситуациях. Он воспроизводится в интернет-чатах, СМИ, «аткрытках» и демотиваторах, в бытовых разговорах дома, в общественном транспорте, на улице. Это позволяет говорить о некотором его сходстве с английским small talk. Однако в отличие от намеренно недискуссионного small talk разговор о русском языке может провоцировать дискуссию, вызывать оценочные суждения, приводить к поляризации мнений и точек зрения, использоваться для дискредитации оппонента. Последнее особенно характерно для разговора о русском языке «в формате» обсуждения допускаемых участниками коммуникации речевых оплошностей.

2. Речевые оплошности и их функционирование в интернет-коммуникации. Под речевыми оплошностями я буду подразумевать ошибки, которые допускаются *говорящим*¹ или *пишущим*² случайно, по неосторожности (ляпы, оговорки, опiski) и / или вследствие недостаточно хорошего владения нормами

языка. Оплошности возникают в ситуации сниженного контроля за своим текстом.

Речевые оплошности могут быть зафиксированы письменно, на видео или на других носителях. В статье будут рассматриваться оплошности, получившие письменную фиксацию. Они возникают в естественных условиях речевой коммуникации. У человека либо вообще нет установки на создание письменного текста, либо она слабо выражена, не отрефлексирована.

Переключение пишущего с устной формы общения на письменную может осложняться из-за недостаточного владения письменной нормой, несформированного навыка саморедактирования, из-за желания быстро, спонтанно реагировать на чье-либо высказывание, влекущее небрежность в правилах оформления текста и др.

В работе [19. С. 105] противопоставляются неграмотность (неполное владение правилами), безграмотность (невладение правилами) и антиграмотность (владение правилами и сознательное их нарушение). Речевые оплошности возникают как следствие неграмотности или безграмотности авторов текста, а также как результат спонтанного и быстрого производства письменного текста грамотным человеком.

Речевые оплошности следует отличать от окказионализмов и эрративов. В отличие от окказионализмов, которые «создаются и употребляются намеренно» [5. С. 193], речевые оплошности допускаются пишущим ненамеренно. При этом если чья-либо речевая оплошность начинает использоваться другими как экспрессивное средство, как стилистический прием, то она может рассматриваться как окказионализм.

Речевые оплошности сходным образом отличаются от эрративов (эрратив: «слово или выражение, подвергнутое умышленному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта» [20]). Эрративы создаются и употребляются сознательно, их употребление стилистически оправдано, их можно рассматривать как разновидность окказионализмов³, в то время как речевые оплошности допускаются, как уже было отмечено, случайно.

В интернет-коммуникации могут возникать двусмысленные ситуации, когда граница между эрративом и оплошностью неясна. В этом случае внутри сообщества вырабатываются свои правила, например: эрратив следует заключать в кавычки, чтобы нельзя было спутать его с оплошностью, ср. диалог двух пользователей с никнеймами moderator_pablo и ramses333 (URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/2346089-echo/comments.html#comments> (accessed: 01.02.2019)):

moderator_pablo04 января 2019 | 10:35

а ты <...> круглосуточно здесь ошиваешься? МИНТАЛЕТЕТ! Так?

ramses33304 января 2019 | 12:13

moderator_pablo: Подучи русский язык, прежде чем пользоваться клавишей капслок. Дабы аршинными буквами на собственном лбу не писать, что ты неуч. Это слово пишется так: МЕНТАЛИТЕТ.

moderator_pablo04 января 2019 | 12:25

ramses333:

не лезь туда, куда тебя не просят, я прекрасно ЗНАЮ, пишется ЭТО слово!

moderator_pablo04 января 2019 | 12:26
ramses333:

... как пишется ЭТО слово !

ramses33304 января 2019 | 13:40

moderator_pablo: Я тебя понял. Но цитату следует брать в кавычки. А то, что ты изобразил, можно истолковать только так, как истолковал я.

Надо при этом добавить, что современные пользователи интернета любят употреблять эрративы как средства стилизации, языковой игры.

С развитием интернет-коммуникации речевые оплошности в массе своей стали доступными для наблюдения. Появилась возможность аналитически осмысливать это социокультурное явление исходя из нескольких перспектив. Перечислю их.

Во-первых, интернет-коммуникация – это публичная среда, в которой происходит письменная фиксация устной речи (чаты, посты). Пользователи могут допускать спонтанные речевые оплошности, на которые другие пользователи ответно и так же спонтанно реагируют. В этом случае возникают микродиалоги о грамотности / безграмотности, доступные всем.

Многих участников интернет-коммуникации, допускающих речевые оплошности, можно отнести к категории «естественных пользователей». Они воспроизводят на письме спонтанную речь, однако навык грамотного письма у них выработан недостаточно, отсутствует желание проверять орфографию и пунктуацию текстов (spell-чекер помогает не всегда). «Естественный пользователь» пишет «как он слышит / <...> Как он дышит, так и пишет, / Не стараясь угодить» (Б. Окуджава).

А.М. Пешковский различал «стремление говорящего нормировать свою речь, говорить не просто, а как-то» и «естественное состояние языка», ср.: «В естественном состоянии языка говорящий не может задумываться, как он говорит, потому что самой мысли о возможности различного говорения у него нет. Не поймут его – он перескажет, и даже обычно другими словами, но все это совершенно “биологически”, без всякой задержки мысли на языковых фактах» [21. С. 58]. У «естественного пользователя» интернетом также может отсутствовать «задержка мысли на языковых фактах» и, как следствие этого, он допускает опiski, ошибки, или речевые оплошности.

Таким образом, первая перспектива позволяет рассматривать интернет-коммуникацию как среду, благоприятную для речевой деятельности «естественного пользователя», а также для его предполагаемого оппонента, который указывает на допущенные речевые оплошности, осуждая пишущего.

Исходя из второй перспективы, интернет-коммуникацию можно определить как публичную среду, в которой речевые оплошности получают распространение (тиражируются). В первую очередь это относится к оплошностям известных людей (политиков, актеров, музыкантов и т.д.), ведущих свои блоги, участвующих в интернет-чатах. Например, Павел Астахов, бывший уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка в твиттере допустил оплошность (URL: <https://twitter.com/RFdeti/status/1081917338599997441> (accessed: 01.02.2019)). На сайте (URL:

https://pikabu.ru/story/priblezhaetsya__6407162#comments (accessed: 01.02.2019)) был опубликован скриншот с комментарием ПриблЕжается :(((((((

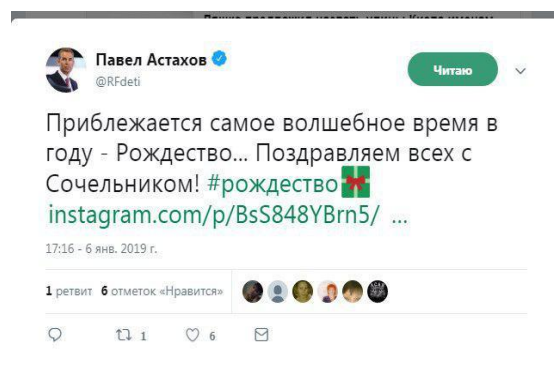

Рис. 1. Скриншот

Эта публикация, в свою очередь, была прокомментирована несколькими пользователями, ср., например: *hipol21* Он ведь юрист, а не филолог => *dobrydzuck* ...с уважением, Павел Астахов и др.

Популярно также воспроизводство в интернете текстов с *оплошностями*, допущенными в реальности (в режиме «офлайн»), а не в виртуальном пространстве. В социальных сетях, в блогах, на форумах выкладывают фотографии текстов (реклама, слоганы, надписи на заборах и т.д.), в которых были допущены речевые оплошности. Например, сайты *Орфосвинство* (URL: <https://vk.com/orfosvinstvo> (accessed: 01.02.2019)); *Меня укусил филолог* (URL: <https://vk.com/ukusfilologa> (accessed: 01.02.2019)) и др.

Сравнительно недавно известность получил сайт Татьяны Гартман «Училка vs TB» (URL: <https://www.youtube.com/channel/UCOb8k2TxJ8KtSmTZxWVfC2g/about> (accessed: 01.02.2019)). На сайте Татьяна выкладывает видеоролики с записями оплошностей, которые были допущены известными людьми в телепрограммах, интервью и т.д. Т. Гартман рассказывает, в чем состояло нарушение нормы и как правильно надо было употреблять слово или выражение.

Таким образом, вторая перспектива дает возможность характеризовать интернет-коммуникацию как среду, благоприятную для (массового) воспроизводства речевых оплошностей. Это делается для привлечения внимания, для борьбы с неграмотностью, для унижения говорящего или пишущего, для развлечения (но не как стилистический прием) и др.

Речевые оплошности вызывают интерес: нарушение нормы более информативно, чем следование ей, ср.: «Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия часто загадочна или опасна. Она поэтому заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)» [22. С. 76].

Наконец, третья перспектива позволяет определить интернет-коммуникацию как публичную среду, в которой речевая оплошность может становиться мемом, т.е. множественно и устойчиво воспроизводиться на форумах, в чатах и т.д. В этом случае оплошность рассматривается как окказионализм, как разновидность прецедентного текста. Она может использоваться в других текстах как стилистический прием

для придания экспрессии, создания комического эффекта, обыгрывания каких-либо ситуаций. Некоторые такие *мемы* могут лексикализироваться, закрепляясь в языке в качестве оценочной единицы.

Таким образом, третья перспектива дает возможность характеризовать интернет-коммуникацию как среду, которая благоприятна для использования речевых оплошностей в качестве стилистического приема. Рассмотрим последовательно на примерах функционирование речевых оплошностей исходя из трех указанных перспектив.

3. Речевые оплошности «естественного пользователя» и «наивный нормативизм». Речевые оплошности в чатах, на форумах, в комментариях к статьям интернет-изданий имеют высокий нарративный потенциал. Они порождают метатекстовые реакции, как правило, иронического и / или страстно-обличительного характера.

Речевые оплошности и последующие метатекстовые реакции изменяют ход коммуникации: обсуждение содержания чего-либо, например фильма, статьи, поста, переходит на обсуждение орфографической, грамматической, синтаксической и других норм. Допущенная речевая оплошность пишущего может рассматриваться как свидетельство низкой культурной грамотности. Речевые оплошности обостряют дискуссию, меняя ее характер: суждение о предмете дискуссии трансформируется в негативное суждение о ее участнике.

Плохое владение русским языком служит едва ли не самым веским аргументом для дискредитации пишущего. Это выражается в осуждении и уничтожении того, кто допустил оплошность. Применяются разные формы речевого воздействия на пишущего: его наставляют, воспитывают, демонстрируют нежелание продолжать коммуникацию, ему советуют учиться, пользоваться словарями и т.д. Действует «наивный нормативизм интеллигента-обывателя» [21].

Приведу несколько примеров из комментариев к статьям в интернет-издании (colta.ru)⁴. Комментарии являются усредненным (смягченным) текстом, в котором частично устранена речевая агрессия (работает модератор, который удаляет наиболее агрессивные комментарии). Издание адресовано тем, кто интересуется современной литературой, искусством, музыкой, кино, т.е. интеллигентному читателю. В целом комментарии можно оценить как нормативные для коммуникации. В них отражены характерные черты этически допустимого интернет-общения образованной части общества. Ср.⁵:

(1) 1. – *хватит вынимать настольгию, девушка. это негегегично.*

– «вынимает», «настольгия»... ну понятно

(2) – *Татьяна, два тебе совета. Во-первых. русский подучи - не «прИвратилась», а прЕвратилась.*

(3) – *Не буду Вас учить орфографии и грамматике русского языка, но внимательно читайте комментариев, если что-то собираетесь отвечать.*

(4) – *Для начала узнайте значение слова демократия, а потом не смешите читателей пассажирами про «частный песок» и «волейбол». А может, вы все яв-*

ления, которые вам не нравятся и непонятны называют демократией?!

(5) – *Огромное количество грамматических ошибок в Вашем тексте, неизвестный мне Шон Бронский, свидетельствует о низком интеллектуальном уровне и узком кругозоре его автора, что, возможно, не позволяет Вам увидеть то, что в России уже давно нет разлухи.*

Популярность метатекстового нарратива, акцентирующего внимание на речевых оплошностях пишущего, стала одной из заметных черт современной интернет-коммуникации.

Метатекстовые реакции на речевые оплошности являются следствием укорененных в социуме идей о том, что: а) любой язык является одной из важных основ идентичности; б) русский язык – это особая ценность (для его носителей)⁶; в) неграмотная речь свидетельствует о низком культурном уровне говорящего или пишущего и о его невысоком социальном статусе.

Есть также причина, которая относится к области социальной психологии: оплошности «другого» создают хороший повод для того, чтобы повысить в собственных глазах свой статус. Иногда могут возникать парадоксальные ситуации: автор текста, направленного на критику чужих оплошностей, может сам допускать оплошности.

Пространство интернета становится ареной борьбы за русский язык⁷, важной частью которой является демонстративно негативная реакция на речевые оплошности. Речевые оплошности в интернет-коммуникации способствуют развитию метаязыковой рефлексии его пользователей.

4. Воспроизводство речевых оплошностей в интернете как способ привлечения внимания. В социуме сформировался запрос на обсуждение ошибок и речевых оплошностей. Они привлекают внимание. Популярны сайты, на которых размещают подбор ошибок в текстах реклам, слоганов, в названиях магазинов, улиц, в объявлениях, надписях на одежде и т.д.⁸ Приводятся также ошибки из школьных сочинений и из текстов ЕГЭ. Оплошности даются списком, без комментариев или с небольшими комментариями. Например, сайты AdMe.ru, fishki.net публикуют такие подборки: «25 зубодробительных опечаток», «Перлы из ЕГЭ», «Перлы из школьных сочинений», «20 детских перлов в записках» и др.

Оплошности являются важной темой современных интернет-изданий⁹. Популярны также размещенные в электронных СМИ или в социальных сетях фотографии объекта с текстом, в котором была допущена ошибка (рис. 2–4).

Таким образом, вокруг речевых оплошностей формируется нарратив о русском языке. Как беспроблемно дискуссионный предмет речевые оплошности становятся общими местами интернет-коммуникации, одной из форм провокации, развлечения, игры, ментальной и психической разрядки. Это закрепляет статус речевых оплошностей в роли информационного повода для высказывания, ответной реплики, а также для выражения насмешки, иронии, сарказма.

Рис. 2. «Внимание!!! Проход запрещен Ведутся строительные Роботы!!!»

Рис. 3. СТОЛЫПИНСКИЕ ЧТЕНИЯ Пути модернизации России: от Столыпина к современности

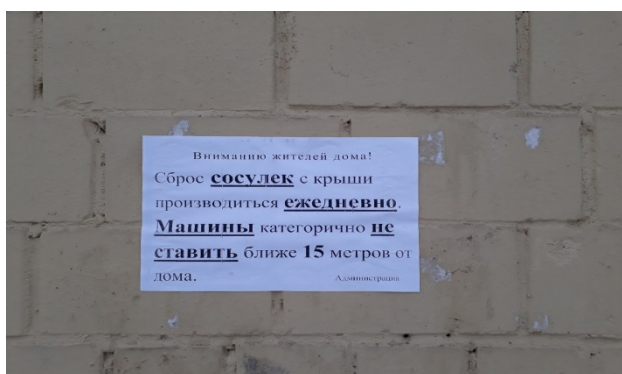

Рис. 4. Вниманию жителей дома! Сброс сосулек с крыши производится ежедневно. Машины категорично не ставить ближе 15 метров от дома. Администрация

5. Речевые оплошности как стилистический прием. Интернет-мемы. Косвенным свидетельством того, что в интернет-коммуникации у речевых оплошностей формируется свой особый статус, является их способность становиться интернет-мемами, т.е. самостоятельно функционировать, устойчиво воспроизводиться как стилистический прием в текстах разных жанров. Некоторые воспроизводятся в течение длительного времени, что несвойственно быстро появляющимся и быстро устаревающим мемам. Стабильное употребление оплошностей в течение длительного времени (2–5 и более лет) позволяет считать, что они обнаруживают тенденцию к лексикализации. Таким образом, может выстраиваться цепочка: речевая оплошность => интернет-мем => окказионализм

=> движение к узусу (лексикализация). Единицы, которые регулярно воспроизводятся, постепенно меняют свой статус, пополняя лексикон экспрессивных средств. Рассмотрим такие случаи на примере нескольких лексических единиц.

«Мы стали более лучшие одеваться»

Ролик, снятый журналистом Е. Гладилиным в декабре 2011 г., получил широкую известность в рунете (более четырех миллионов просмотров). Его героиня «Света из Иванова» (С.И. Курицына) прославилась несколькими фразами, которые стали интернет-мемами, например: *Овощи там, рожь, вот это все!* Самая известная ее фраза: *Мы стали более лучшие одеваться*. По этой модели с грамматической неправильностью (*более лучшие*) начали возникать новые высказывания: *мы стали более лучшие собираться*, *нас стало более больше*¹⁰, *мы стали более лучшие писать* и т.д. Это высказывание, а также фразы, образованные по его модели, продолжают тиражироваться в течение семи лет. Это дает основание полагать, что происходит постепенная лексикализация этого выражения, используемого как средство иронии ср.:

(1) 03.02.2012. *Мы стали более лучшие одеваться*, как верно заметила одна прославленная особа, *более лучшие есть*, *более лучшие зарабатывать*, *более лучшие*, *более лучшие*. *Мы вообще стали более лучшие*, кажется (И. Давыдов «Более лучше» // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Bolee-luchshe> (accessed: 15.06.2018)).

(2) 15.10.2017. Заголовок статьи. «*Мы снова станем “более лучшие одеваться”*» (URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/16/737910-mi-snovastanem> (accessed: 25.06.2018)).

(3) 28.02.2018. Заголовок статьи. «*Мы стали более лучшие есть*» (URL: <http://seanews.ru/2018/02/28/> (accessed: 01.07.2018)).

Появились также поэтические высказывания, референциально связанные с исходной фразой, ее коннотативным фоном и контекстом употребления, ср. например, стихотворение: «*Когда мы стали более лучшие думать... Вариации*» (С. Ягодкин) (URL: <https://www.stihi.ru/2015/09/30/9621> (accessed: 01.07.2018)).

«Мичеть»

Слово «мичеть» появилось на сайте певицы Е. Ваенги 04.07.2012. Эмоционально и с большим количеством речевых оплошностей певица отреагировала на выступление участниц панк-группы Pussy Riot. Реакция рунета последовала незамедлительно. Появились пародии В. Шендеровича, К. Собчак, Г. Пьяных¹¹. Ваенгу стали называть «Мичеть»; ср.: «*Ваенга получила прозвище “Мичеть”*» (URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2012/08/02/1017985.html> (accessed: 01.06.2018)).

Спустя несколько лет такое написание слова *мечеть* продолжает ассоциироваться с Е. Ваенгой; ср., например, комментарий к небольшой заметке о том, что певица Е. Ваенга в своем «Инстаграме» написала слово *сосиска* как «сосиська»:

Добрый Самаритянин 05.12.2016: *это одно из слов, в стройном ряду с лОжить, звОнить и т.д. Постоянно встречаю людей говорящих сосисЬки. До*

чего же это нелепо и безграмотно. Но Ваенга это апогей – вынос разговорных ошибок на письмо. *Мичетей на неё нет!* (URL: https://life.ru/t/%D1%81%D0%BE%D1%86%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8/941640/podpischiki_vysmieiali_vaienghu_v_instagrami_e_zs_sosisku (accessed: 01.02.2019)).

Речевая оплошность превратилась в интернет-мем, который используется в качестве заголовка, а также употребляется для создания определенного коннотативного фона, например, в блоге журналиста И. Мильштейна. Он воспроизвел мем в своем комментарии, посвященном реакции части граждан России на теракт, который произошел 7 января 2015 г. в редакции парижской газеты «Charlie Hebdo». «Мичеть» становится символом неадекватности. Примеры указывают на тенденцию лексикализации интернет-мема, ср.:

(1) 29.08.2013 Заголовок блога А. Плющева «*Я твой мичеть голосовал*» (URL: <http://echo.msk.ru/blog/plushev/1145844-echo/> (accessed: 01.06.2018)).

(2) 25.01.2014 Заголовок блога Артура Popados Шигапова «*Мичеть паттайской богоматери*» (URL: <http://popados.livejournal.com/122202.html> (accessed: 01.06.2018)).

(3) 10.01.2015 Заголовок статьи И. Мильштейна «*Мичеть парижской Богоматери. Россия в зеркале французского теракта*». Слово «мичеть» в наш обиход ввела певица Ваенга. <...> Про несчастную эту «мичеть» как символ дурдома с тех пор вспоминалось не раз. <...> «Мичеть» торжествует. <...> Вообще говоря, это очень серьезная и практически пока нерешаемая наша внутренняя проблема – вот эта «мичеть» в головах. (URL: <http://snob.ru/profile/27216/blog/86210> (accessed: 01.06.2018)).

В последних двух примерах присутствует также аллюзия на роман-антиутопию Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», опубликованный в 2005 г. и получивший скандальную известность за свою антиисламскую направленность.

«Никто лучше нас»

«Никто лучше нас» стало девизом для воинов и гражданских специалистов материально-технического обеспечения (МТО) Вооруженных сил. Девиз утвердил министр обороны РФ Сергей Шойгу 18.02.2015. Блогеры отозвались пародиями: *Непобедимые как совсем! Быстрые как тогда! Никто более лучше нас! После нас хоть никто!* (URL: <http://www.tramvision.ru/forum/index.php?PHPSESSID=f53f3a968fef16123143bd50cd3a9ba7&topic=5976> (accessed: 01.06.2018)). Семантическую неоднозначность девиза также обсудили лингвисты. Однако это не повлияло на военных, попытка исправить формулировку не была предпринята и девиз силой указа закрепился в армейском дискурсе в своей первоначальной форме.

Эта ситуация отличается от рассмотренных выше «мичетей» и «мы стали более лучше одеваться». «Никто лучше нас» получило распространение не благодаря интернету, а независимо от него. Тенденция к лексикализации сформировалась непосредственно под влиянием указа, а не благодаря воспроизводимости в интернет-коммуникации. Тем не менее, став интернет-мемом, а также будучи неоднократно спародированным, это выражение именно благодаря ин-

тернету получило известность и распространение не только среди военных.

Таким образом, наиболее характерные и яркие речевые оплошности становятся социокультурным феноменом. Регулярно в течение длительного времени воспроизводясь в текстах, они обнаруживают тенденцию к лексикализации. Ярким примером, иллюстрирующим эту тенденцию, являются не вполне грамотные, алогичные, парадоксальные *черномырдинки*.

6. Тенденция к лексикализации речевых оплошностей: черномырдинки. Черномырдинки – это ставшие афоризмами письменные фиксации устных спонтанных высказываний Виктора Степановича Черномырдина (ЧВС), советского и российского государственного деятеля (1938–2010). Самое известное: *Хотели как лучше, а получилось как всегда*. Так Черномырдин охарактеризовал подготовку и проведение денежной реформы 1993 г. Максим Соколов, обозреватель «Коммерсанта», отметил на страницах издания первую годовщину этого высказывания, назвав его эпиграфом ко всей истории российского централизованного государства. Так устное высказывание получило письменную фиксацию.

Ю.М. Лужков, мэр Москвы (1992–2010 гг.), писал, что афоризм вошел в золотой фонд российского управленческого фольклора. Фраза также была использована для иллюстрации одного из сквозных мотивов русской языковой картины мира, «согласно которому то, что произошло с человеком, хотя бы и в результате его собственных действий, случилось как бы само собою» [26]. М. Кронгауз об этой фразе пишет: «Она стала столь популярной, потому что необычайно точно отражает даже не принцип, а взгляд на устройство российской жизни и российских социальных процессов. За этим “как всегда” скрывается не злая воля, воровство и мздоимство, а фатум, сводящий на нет все благие намерения» [27].

Таким образом, журналисты, политики, лингвисты согласились с тем, что эта фраза очень хорошо характеризует российский исторический и политический контекст, а также выражает некоторые важные свойства русской языковой картины мира.

Строго говоря, именно эту фразу нельзя отнести к речевым оплошностям. Она парадоксальна, но не нарушает языковых норм¹². Однако многие высказывания Черномырдина (их более ста пятидесяти единиц), собранные в словаре [29] и ставшие крылатыми, являются речевыми оплошностями, например: *Все это так прямолинейно и перпендикулярно, что мне неприятно; Народ пожил – и будет! Надо же думать, что понимать; Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу; Мы продолжаем то, что мы уже много наделали; Нам никто не мешает перевыполнять наши законы; А страна у нас, хватит ей вприпрыжку заниматься прыганьем; Нас никто не может упрекнуть в том, что у нас хорошие помыслы и др.* Показательно, что они регулярно воспроизводятся и не теряют своей популярности, а сам автор, похоже, стал родоначальником традиции афористично-косноязычного разговора ответственного лица с народом (точнее, с журналистами, берущими интервью).

В.С. Черномырдин ушел из жизни около восьми лет назад, разрыв между сегодняшним днем и временем высказывания составляет в среднем 15–25 лет, однако пользователи социальных сетей, интернет-изданий продолжают воспроизводить (постить) подборку черномырдинок, популяризировать их. Например, в журнале «Сноб» К. Туркова опубликовала тест: «Кличкомырдинки. Хорошо ли вы знаете афоризмы политиков?». В нем предлагается угадать, какая фраза принадлежит Черномырдину, а какая – Кличко (20.10.2014) (URL: <https://snob.ru/selected/entry/82447> (accessed: 01.06.2018)). В блоге «О фигурном катании языком политика» автор с никнеймом *zapas* использовала черномырдинки для описания чемпионата мира по фигурному катанию (31.03.2015) (URL: <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/fsledlife/759894.html> (accessed: 01.06.2018)). В интернет-коммуникации черномырдинки воспроизводятся достаточно регулярно и очень популярны. Например, 29 января 2018 г. пользователь с никнеймом *Viktor Terechov* опубликовал в Фейсбуке подборку черномырдинок, сопроводив их фотографией В.С. Черномырдина и краткой записью: «ПАМЯТИ ВИКТОРА ЧЕРНОМЫРДИНА, КОТОРЫЙ ВНЕС НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД В ИДИОМАТИКУ РУССКОГО ЯЗЫКА : Здесь вам не тут» (URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2000778656913696&set=a.1442230542768513&type=3&theater>). На этот пост отреагировало 3 500 человек (значок лайк; эмодзи: Ха-ха! Супер!), поделились им 7 200 человек, под ним было оставлено 548 комментариев. Большинство комментариев восторженные, например: **Edward Babajanyan:** *Опусы-шедевры и этим все сказано. Светлана Тютюнник: Забыли ещё – «Никогда у нас этого не было! И вот опять!»* **Ludmila Degaltseva:** *Неужели забыли, как можно ?!* **Владимир Перцов:** *просто гений! Пушкин!!! Надо ввести его цитатник в школьную программу!* **Яна Гетманова:** *«Я готов и буду объединяться. И со всеми. Нелзя, извините за выражение, все время вращаюсь» – теперь это будет моим жизненным девизом и др.*

В биографии В.С. Черномырдина обязательно указывается его способность создавать афоризмы. Они являются самой яркой характеристикой его речевого

портрета. В Википедии им посвящена отдельная статья; по запросу на слово черномырдинки в Яндексе можно найти множество сайтов. Они также опубликованы в нескольких изданиях словарей крылатых слов.

Черномырдинки являются наглядной иллюстрацией того пути, который проходит речевая оплошность, становясь мемом и впоследствии закрепляясь в узусе в качестве единицы, используемой как средство экспрессивности.

В заключение можно сказать следующее.

Речевые оплошности играют заметную роль в современной интернет-коммуникации. Пользователи интернета допускают спонтанные речевые оплошности, на которые другие пользователи ответно и так же спонтанно реагируют. Возникают дискуссии о грамотной / неграмотной речи, развивается метаязыковая рефлексия.

В интернет-коммуникации оплошности массово получают распространение (тиражируются). Это делается для привлечения внимания, в целях языковой игры, а также для борьбы с неграмотностью.

Речевые оплошности могут становиться интернет-мемами, использоваться как стилистический прием. Впоследствии некоторые из них обнаруживают тенденцию к лексикализации, закрепляясь в языке в качестве оценочной единицы.

В целом интернет-коммуникация меняет ландшафт современной речи, создает фокусы повышенного внимания к грамотной / неграмотной речи. В русском сегменте интернета тема русского языка оказывается одной из ведущих. Соответственно, отдельного интереса заслуживает и то, как в современной интернет-коммуникации существуют речевые оплошности, какую реакцию они вызывают у пользователей и какие формы включения их в узус на сегодняшний день просматриваются. Такой взгляд на проблему возможен, если рассматривать речевые оплошности как социокультурный феномен.

Результаты данной работы могут стимулировать дальнейшее исследование роли и функционирования речевых оплошностей в интернет-коммуникации. Анализ речевых оплошностей должен быть включен в описание активных процессов современного русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под говорящим здесь и далее понимается человек, допустивший в устной речи оплошность, которая впоследствии была зафиксирована и процитирована. Классическим примером являются черномырдинки.

² Под пишущим здесь и далее понимается человек, допустивший на письме речевую оплошность.

³ См. также словарную статью *графон* [5].

⁴ URL: <http://www.colta.ru/galleries/specials/4459#ad-image-0> (accessed: 23.05.2018); <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/nas-vseh-toshnit-lyubov-k-trem-cukerbrinam-viktora-pelevina/> (accessed: 23.05.2018); <http://www.colta.ru/articles/society/4100#comment-1519387579> (accessed: 23.05.2018); <http://www.colta.ru/articles/literature/4782> (accessed: 23.05.2018).

⁵ Орфография и пунктуация сохранены.

⁶ Подробнее о концепте русский язык см. в [23. С. 345–352].

⁷ Ситуация «лингвистических скандалов» была описана в [24].

⁸ Ср. также деятельность «Тайной орфографической полиции» – волонтерского движения, охраняющего правила русского языка – на плакатах, памятниках и указателях (URL: <https://vk.com/orthopolice> (accessed: 20.05.2018); цитированные выше <https://vk.com/orfosvinstvo> (accessed: 01.02.2019); <https://vk.com/ukusfilologa> (accessed: 01.02.2019) и др.).

⁹ См., например, статьи Н. Белошиной: «Торжество абырвалга» (URL: <https://snob.ru/profile/26524/blog/62101?v=1455734241&v=1456331131&v=1458585119&v=1460796406> (accessed: 01.06.2018)); «Великий, могучий, правдивый, свободный, мстительный русский язык» (URL: <https://snob.ru/profile/26524/blog/88149> (accessed: 01.06.2018)).

¹⁰ См. также работу И.Б. Левонтиной [25. С. 82].

¹¹ См. об этом подробнее работу М. Кронгауза [19].

¹² Подробнее о черномырдинках см. [28. Т. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений / подгот. к печати и науч. ред. Е.С. Скобликовой. М., 2005. 320 с.
2. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: пособие для учителей. М., 1982. 143 с.
3. Капинос В.И. О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку: пособие для учителя / сост. В.И. Капинос, Т.А. Костяева. 2-е изд., перераб. М., 1986. С. 78–88.
4. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд. М., 1997. 240 с.
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М., 2011. 480 с.
6. Барина А.В. Речевые недочеты // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2011. С. 468–469.
7. Сковородников А.П. О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. Красноярск; Ачинск, 1998. Вып. 3 (7). С. 10–19.
8. Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006. 304 с.
9. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
10. Рахилина Е.В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб., 2014. С. 87–95.
11. Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.
12. Шевнин А.Б. Эрратология и межязыковая коммуникация // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 36–44.
13. Залевская А.А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.
14. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013. 568 с.
15. Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998. 173 с.
16. Кнорре-Дмитриева К. «В 90-е перестали стесняться неграмотности». Лингвист Ксения Кнорре-Дмитриева о русском языке после перестройки. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/26/language/> (accessed: 01.02.2019).
17. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н. и др. Не говори шершавым языком (О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ). М., 1999. 215 с.
18. Геккина Е.Н. Речевые ошибки как фокусы метаязыковой рефлексии // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 66–73.
19. Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М., 2013. 416 с.
20. Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику. 2005. URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (accessed: 25.05.2018).
21. Пешковский А.М. «Объективная и нормативная точка зрения на язык» // Избранные труды / сост. и ред. И.А. Василенко, И.Р. Палей. М., 1959. 252 с.
22. Аругюнова Н.Д. Аномалии и язык // Язык и мир человека. М., 1999. С. 74–94.
23. Брагина Н.Г. Словосочетание русский язык: ценностные коннотации // Память в языке и культуре. М., 2007. С. 345–352.
24. Кронгауз М.А. «Скажи – и я скажу, кто ты» // Слово за слово: о языке и не только. М., 2015. С. 385–389.
25. Левонтина И.Б. О чем речь. М., 2015. 400 с.
26. Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира // Учительская газета. 2009. № 9. 3 марта. URL: <http://www.ug.ru/archive/27478> (accessed: 22.05.2018).
27. Кронгауз М.А. Краткий курс новояза // Вопросы литературы. 2015. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html> (accessed: 25.05.2018).
28. Брагина Н.Г. Поэтика косноязычия: черномырдинки // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 7, № 7. С. 168–179.
29. Душенко К.В. Зернистые мысли наших политиков. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2019 г.

Speech Missteps in Internet Communication

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/444/1

Natalia G. Bragina, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation); Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: natasha_bragina@mail.ru

Keywords: speech missteps; “naïve user”; metatextual reactions; online communication; Internet memes; lexicalization; *chernomyrdinki* (Chernomyrdin’s idioms).

The article discusses speech missteps, i.e. errors which a speaker (the one who speaks) or a writer (the one who writes) makes accidentally. One can also do speech missteps if s/he is not good enough in standard Russian. Speech missteps are registered in online communication, and later they can be replicated in different texts. They also can become Internet memes, and/or be used as a kind of a stylistic mark. The aim of the article is to examine some speech missteps and metatextual reactions to them to analyse the way speech missteps function in modern Internet communication. The article considers works in the field of speech errors, namely, in Russian ontolinguistics (S.N. Tseytlin, B.I. Kapinos, M.R. Lvov), Russian stylistics (A.P. Skovorodnikov, A.V. Barinova), grammar of errors (*Grammaire des Fautes* by H. Frei), corpora of errors (E.V. Rakhilina), erratology (A.B. Shevnin), psycholinguistics (A.A. Zalevskaya), cognitive linguistics (M.V. Rusakova, O.V. Kukushkina). The research methodology was based on discourse analysis, since it combines the analysis of language with the discussion of sociocultural strategies. The article considers speech missteps in Internet communication both as a linguistic and as a sociocultural phenomenon. As a linguistic phenomenon, speech missteps have a tendency to penetrate into common usage and to become standardized. When one uses a well-known speech misstep deliberately, it helps him/her to create expressive and ironic utterances. As a sociocultural phenomenon, speech missteps produce metatextual reactions from participants of online communication. Metatextual reactions to speech missteps transfer communication from the discussion of “what-one-speaks-about” to the discussion of “how-one-speaks”. This is a significant feature of modern speech communication. Speech missteps also initiate narratives about the Russian language (its corruption and debasement; the general deterioration of literacy in Russia; funny mistakes in Russian, etc.). The material under analysis is examples of speech missteps which the author collected herself (more than two hundred examples). She also took into account lists of missteps published on Internet sites

AdMe.ru, fishki.net, orfosvinstvo (<https://vk.com/orfosvinstvo>), menya ukusil filolog (<https://vk.com/ukusfilologa>) etc. Thus, there were approximately 600 units under consideration. More than 30 examples illustrate the main points of the article. The author examined: (a) speech missteps and metatextual reactions to them extracted from a range of comments to articles on colta.ru, an online media outlet; (b) collections of speech missteps published on the Internet sites; (c) blogs in which speech missteps were used to create an ironic effect; (d) a collection of chernomyrdinki (Chernomyrdin's idioms), i.e. spontaneous public statements of Viktor Chernomyrdin, one of the key figures in Russian politics in the 1990s. Chernomyrdin's idioms came to be Internet memes. Now they are considered as units of Russian lexicon. They illustrate how speech missteps enter common usage and become standardized. The results of the study can motivate a further research on the role and function of speech missteps in Internet communication, since they are included in the active processes in modern Russian.

REFERENCES

1. Gvozdev, A.N. (2005) *Ot pervykh slov do pervogo klassa: Dnevnik nauchnykh nablyudeniy* [From first words to the first grade: A diary of scientific observations]. Moscow: KomKniga.
2. Tseytlin, S.N. (1982) *Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie* [Speech missteps and their prevention]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Kapinos, B.I. (1986) *Otsenka znaniy, umeniy i navykov uchashchikhsya po russkomu yazyku* [Assessment of students' knowledge and skills in Russian]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie. pp. 78–88.
4. L'vov, M.R. (1997) *Slovar'-spravochnik po metodike russkogo yazyka* [A reference dictionary on the methodology of Russian]. 2nd ed. Moscow: ROST: Firma "SKRIN".
5. Skovorodnikov, A.P. (ed.) (2011) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic reference dictionary. Expressive means of Russian and speech errors and flaws]. 3rd ed. Moscow: FLINTA.
6. Barinova, A.V. (2011) *Rechevye nedochety* [Speech flaws]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic reference dictionary. Expressive means of Russian and speech errors and flaws]. 3rd ed. Moscow: FLINTA.
7. Skovorodnikov, A.P. (1998) O sostoyanii rechevoy kul'tury v rossiyskikh sredstvakh massovoy informatsii (opyt opisaniya tipichnykh narusheniy literaturno-yazykovykh norm) [On the state of speech culture in the Russian media (the experience of describing typical violations of literary-language norms)]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya*. 3 (7). pp. 10–19.
8. Frei, H. (2006) *Grammatika oshibok* [Grammatical errors]. Translated from French. Moscow: URSS Editorial.
9. Shcherba, L.V. (1974) O troiyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the three aspects of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics]. In: Zinder, L.R. & Matusevich, M.I. (eds) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
10. Rakhilina, E.V. (2014) Grammatika oshibok: v poiskakh konstant [Grammatical errors: in search of constants]. In: Daniel, M.A. et al. (eds) *Yazyk. Konstanty. Peremennyye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memory of Alexander E. Kibrik]. St. Petersburg: ALETEYYA.
11. Rakhilina, E.V. (2016) Russian learner corpus as a new tool of grammatical description of Russian. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 3. pp. 20–25. (In Russian).
12. Shevnin, A.B. (2004) Erratology and interlingual communication. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2. pp. 36–44. (In Russian).
13. Zalevskaya, A.A. (2009) Rechevaya oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniya [Speech error as a tool for research]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 9. pp. 6–22.
14. Rusakova, M.V. (2013) *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the anthropocentric grammar of Russian]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Kukushkina, O.V. (1998) *Osnovnye tipy rechevykh neudach v russkikh pis'mennykh tekstakh* [The main types of speech missteps in Russian written texts]. Moscow: Dialog-MGU.
16. Knorre-Dmitrieva, K. (2016) "V 90-e perestali stesnyat'sya negramotnosti" ["In the '90s, they stopped feeling embarrassed about illiteracy"]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2016/03/26/language/>. (Accessed: 01.02.2019).
17. Gorbanevskiy, M.V. et al. (1999) *Ne govori shershavym yazykom (O narusheniyakh norm literaturnoy rechi v elektronnykh i pechatnykh SMI)* [Do not speak a rough tongue (On violations of the norms of literary speech in electronic and print media)]. Moscow: Galeriya.
18. Gekkina, E.N. (2014) Speech Errors as the Focus of Metalinguistic Reflection. *Antropologicheskii forum*. 21. pp. 66–73. (In Russian).
19. Krongauz, M.A. (2013) *Samouchitel' Olbanskogo* [Manual of Albanian]. Moscow: AST.
20. Guseynov, G.Ch. (2005) *Berloga vebloga. Vvedenie v erraticheskuyu semantiku* [The den of a weblog. Introduction to erratic semantics]. [Online] Available from: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm. (Accessed: 25.05.2018).
21. Peshkovskiy, A.M. (1959) Ob"ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk [Objective and normative point of view on the language]. In: Vasilenko, I.A. & Paley, I.R. (eds) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow: Uchpedgiz.
22. Arutyunova, N.D. (1999) Anomalii i yazyk [Anomalies and language]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 74–94.
23. Bragina, N.G. (2007) *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 345–352.
24. Krongauz, M.A. (2015) *Slovo za slovo: o yazyke i ne tol'ko* [Word by Word: about the language and not only]. Moscow: DELO. pp. 385–389.
25. Levontina, I.B. (2015) *O chem rech'* [What we are talking about]. Moscow: CORPUS.
26. Shmelev, A.D. (2009) Russkaya yazykovaya kartina mira [Russian language picture of the world]. *Uchitel'skaya gazeta*. 9. 3 March. [Online] Available from: <http://www.ug.ru/archive/27478>. (Accessed: 22.05.2018).
27. Krongauz, M.A. (2015) Kratkiy kurs novoyaza [Newspeak: a short course]. *Voprosy literatury*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html>. (Accessed: 25.05.2018).
28. Bragina, N.G. (2016) Poetic manner of the tongue-tie: Chernomyrdinkis (Chernomyrdin's idioms). *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 7 (7). pp. 168–179. (In Russian).
29. Dushenko, K.V. (2007) *Zernistyye mysli nashikh politikov* [Expressive thoughts of our politicians]. 6th ed. Moscow: Eksmo.

Received: 14 March 2019